

**ВАЛЕРИЙ
МАРЦЕНЮК**

ЗА

СОВЕТСКУЮ

РОДИНУ

Валерий Марценюк
За советскую Родину

«Автор»

2016

ББК 84Укр6

Марценюк В. П.

За советскую Родину / В. П. Марценюк — «Автор», 2016

ISBN 978-966-2375-07-7

Историческая повесть „За советскую Родину”, которая предлагается вниманию читателей, согласно авторскому замыслу, является художественным произведением с его допустимыми отступлениями от линии исторической правды. Это оправдано тем, что в автора, с временного расстояния более чем в 70 лет, практически отсутствовала возможность воссоздать описываемые события полностью в соответствии с исторической правдой. В то же время, в произведении использованы материалы из целого ряда исторических источников, ссылки на которые приведены в конце повести, что приближает произведение по своей сути к категории исторического исследования.

ББК 84Укр6

ISBN 978-966-2375-07-7

© Марценюк В. П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

От автора	6
Раздел 1. Ярышивские истории	8
1.1. Село Ярышивка: исторический экскурс	8
1.2. Первый раз в первый класс	13
1.3. Тернистая дорога в социалистическое будущее	18
1.4. Под властью Третьего Рейха	23
1.5. Бегство из комендатуры	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Марценюк За советскую Родину

© Марценюк В.П.

© Изд. «Радиоинформ»

* * *

От автора

Село Ярышивка, на территории которого и происходили основные события, описанные в книге, является родным селом моей матери Марценюк Марии Филипповны. Ее родители Филипп Кузьмович и Ксения Ивановна Табачнюк построили свой дом на одной из улиц села, которая и до этого времени носит название

Коцюбинская. Там же родился и проживал до своей трагической гибели от рук прислужников оккупантов и брат Марии Филипповны, а мой родной дядя Анатолий Филиппович Табачнюк. Он был активным членом подпольной организации „За советскую Родину”, выполняя в ней обязанности связного и разведчика.

Весной 1942 года Анатолий попал в первую волну рабов-добровольцев, отправляемых в Германию. Там он получил повреждение правой руки, после чего был комисован, как непригодный к работе. Однако, не считаясь с увечьем, он, по возвращении в родное село, активно включился в деятельность подпольной организации. Эта организация была учреждена отдельными жителями, как села Ярышивки, так окружающих сел Юркивцы (теперь село Ланы Тывровского района Винницкой области), Комаров (теперь село Урожайное Тывровского района Винницкой области), Селище, Янков (теперь село Ивановка Винницкого района Винницкой области), Цвижин и Пылява. Руководил этой организацией бывший офицер-артиллерист Красной армии Петр Мартынович Белокурский, уроженец села Комаров.

К сожалению, немного удалось членам подпольной организации „За советскую Родину” достичь в борьбе с немецкими оккупантами. Значительная часть из них отдала свои молодые жизни за идею освобождения Украины от фашистского порабощения. Светлой памяти моего

дяди Анатолия Табачнюка и других членов подпольной организации, которые погибли от рук фашистских оккупантов, и посвящается эта историческая повесть, с одноименным названием, „За советскую Родину”.

Валерий Марценюк

Раздел 1. Ярышивские истории

1.1. Село Ярышивка: исторический экскурс

Село Ярышивка находится на расстоянии где-то около полутора десятка километров от центра области – города Винницы. Это, среднее за размерами и количеством жителей село, раскинулось по обе стороны неглубокого оврага. По всей своей протяженности овраг перегорожен в нескольких местах плотинами, между которыми образовались небольшие водоемы – сельские пруды. За селом овраг упирается в высокую железнодорожную насыпь двухпутевой линии Юго-Западной железной дороги на участке Винница – Жмеринка. Железная дорога, со времени своего прокладывания всегда оказывала свое положительное влияние на трудоустройство значительной части сельского населения.

Следы обитания древних людей на ярышивской земле достигают седой древности. На территории села в свое время были найдены каменные орудия работы эпохи палеолита и признаки поселения трипольской культуры. О жизни древнеславянских племен, которые проживали между Бугом и Днестром, существует много письменных свидетельств византийских авторов 6-7 столетия нашей эры. В своих произведениях они часто упоминают восточных славян, называя их антами. Непосредственно на территории современной Тывривщины располагалось поселение древнего славянского рода, известного под названием тиверцев. Считается, что крайней восточной границей расселения тиверцев в 8 – 9 столетиях нашей эры была граница, которая проходила через городок Тывров. «Городок Тывров на Боге (давнее название реки Южный Буг), утверждал известный украинский историк Михаил Грушевский, это одинокая осада, которая своим именем может указывать на тиверцев». Подобные мысли звучали на археологическом съезде, который проходил в Киеве в 1874 году. Там доминировала мысль, что Тывров стоит на месте старинного поселения «Тивер». Со временем тиверцы вошли в состав Киевской Руси.

Во время монголо-татарского нашествия на Русь и падением в 1240 году Киева земли между реками Южный Буг и Днестр, а также соседние районы, которые лежали на восток и запад от нее, попали под влияние Галицко-Волынского государства. Эти земли татары между собой начали называть «Подолией», откуда пошло дальнейшее название – Подолье. С распадом Галицко-Волынского государства значительная часть правобережных земель, в том числе и Подолье попадает под власть великокняжеского Литовского государства. После того, как в 1363 году литовский князь Ольгерд разбил войска монголо-татар на реке Синие Воды (притоке Южного Буга) до 1648 и после 1699 года территория района находилась в составе Литовского, а затем Литовско-польского государства. Это государство, которое получило название Речи Посполитой, образовалась после Кревской унии, которая в 1385 году объединила Литву с Польшей в единое государство.

В исторических актах того времени есть письменное упоминание и об уездном городке Тывров, в состав района которого теперь входит современная Ярышивка. Это упоминание датируется 1393 годом, когда великий князь литовский Витовт подарил этот городок с окружающими угодьями «землянину» Герману Дашкевичу «за выслугу». Кроме Тыврова, Дашкевич в свое владение получил села Дзвонику, Клищев, Соколинцы, Шендеров и Тростянец.

В 15-16 столетиях на Подолье из винницкой и брацлавської шляхты сформировалась основная прослойка местной знати. Некоторые ее роды владели огромными имениями, которые образовались за счет привилегий, предоставленных еще во времена великих князей литовских Витовта (1393-1430) и Свидригайла (1430-1432), а также польских королей Казимира IV

(1440-1492), Александра (1492-1506), Жигимонта I (1506-1548), Жигимонта II (1548-1572), Генриха Валуа (1573-1574), Стефана Батория (1576-1586), Жигимонта III (1587-1632).

Непосредственное возникновение села Ярышивки, как современного поселения людей, за историческими источниками относится к периоду господства на украинских землях Речи Посполитой (16 – 17 столетие). В то время на территории Брацлавського воеводства, которое охватывало основную часть территории современной Винниччины, практически полностью сформировалась земельная собственность тогдашнего господствующего класса – шляхты. Это формирование осуществлялось как вследствие получения привилегий за службу великокняжескому Литовскому государству, так и привилегий за службу королям Речи Посполитой (так называемое право «дедизны» и «отчизны»). Дополнительно земельная собственность также формировалась путем периодического захвата господствующим классом свободных «пустошей» грунтов, пашек, разорение малоземельных собственников (мелкой шляхты) и концентрации их собственности в загребущих руках старост, воевод и других тогдашних членов правительства. Главными властителями большой собственности на этом этапе выступают русско-литовские роды, которые получали на Брацлавщине выслуги за службу великому князю – так называемые «державы», которые со временем переходили в наследственное владение. С 1566 года земли Подолья были включены в Брацлавское воеводство в составе Брацлавского и Винницкого уездов Речи Посполитой.

В то время основным фактором появления новых поселений на Украине было распространение новыми землевладельцами (магнатами и шляхтой) фольварковой системы на восточное Подолье. Именно тогда на Подолье появилось большое количество новых сел, возникли и новые города. При заселении нового села, владелец призвал крестьян поселяться на его земле, гарантируя им освобождение от налогов (слободы). Большею частью на слободы в Брацлавщину убегали крестьяне из Волыни и Полесья. Безусловно, какая-то часть поселенцев могла быть и местного происхождения, из тех населенных пунктов, которые существовали на окраинах Винницы еще с XIV–XV столетий, но их было немного.

Существует несколько интересных легенд об учреждении села Ярышивка. Одна из них говорит следующее: «Шел казак Ярош после изнурительной битвы, утомленный, голодный. Вел за уздечку коня, было очень жарко. Очень хотелось пить, и увидел он перед собой источник. Напился холодной воды, она показалась ему очень вкусной, даже сладкой. Напоил своего коня, назвал этот источник «Солодовня». Прибавилось у Яроша сил, посмотрев кругом, он увидел удивительно хорошую местность, и решил здесь поселиться. Женился, родились дети».

Другая версия исходит из того, что село имеет одну особенность – вся его территория переделена длинным оврагом («овраг» переводится как «яр» – украинское слово). Люди считают, что именно через этот овраг село получило такое название. Хотя эта версия, даже более чем предыдущая, вызывает определенные сомнения. Особенно больших оврагов в самом селе нет, а тот неглубокий яр, по которому дождевые и снеговые воды текут в реку Южный Буг, едва ли мог бы привести к названию села. Даже, сравнительно большие сельские пруды, образованные плотинами на протяжении этого оврага, на данное время находятся на грани своего заиления и дальнейшего исчезновения.

Наиболее аргументированной выдается версия, что название села происходит от имени господина Яроша Черленковского, который определенное время владел этими землями и самим селом. На подтверждение этой версии указывает и название соседнего села Юрковцы (теперь Ланы) полученное за именем другого представителя рода Черленковских – Юрия Черленковского.

Село Ярышивка, за господства Речи Посполитой, определенный период времени принадлежало семье шляхтичей Черленковских. Этот, известный на Брацлавщине, род получил громкую славу за долгие годы службы литовскому и польскому государствам. Походил этот род от братьев Кмитив. Так Кмита III Богдан определенное время занимал должность вин-

ницкого наместника. А его брат Дмитрий Кмита в 1529 году передал по наследству своему сыну Александру Дмитриевичу, брацлавському войскому, город Черленков (теперь это село Селище Тывровского района Винницкой области). С того времени эта ветвь рода Кмитив стала носить название благородного рода Черленковских-Александровичей. Внук Дмитрия Кмиты – Юрий Александрович упоминается в 1597 году как брацлавський войский и земский судья. Исходя из материалов исторических источников, можно предположить, что он имел трех сыновей – Ивана, Кирилла и Яроша. В свою очередь Иван Юрьевич Черленковский имел двух сыновей – Иеронима, который в 1603 году получил брацлавское ловецтво, и Стефана, который тогда же получил чин брацлавского подчашего.

В 1609 году Кирилл Черленковский часть своего наследства, в которое входили села Юрковцы, Свобидцы и Ярышивка, продает за 10 тысяч злотых господину Ярошу Черленковскому. А в 1624 году (наверное, после смерти Яроша) наследником этой части Черленковских имений становится Стефан Черленковский (сын Ивана Юрьевича). Тогда почти сразу он передает села Ярышивку и Свобидцы (теперь Студеница) в долгосрочную аренду шляхтичу Гордею Житянскому.

Сын Стефана, Сильвестр Черленковский, который в 1620 году был мечником брацлавским, сначала получил от отца на свое содержание село Тютьки. А, находясь на должности брацлавского земского писаря (1628-1659), Сильвестр в 1634 году дополнительно получает от государства в свою собственность также села Бохоники и Крышинцы. Сильвестр Черленковский был на то время одной из наиболее интересных фигур Брацлавщины. Он даже был спонсором Киево-Могилянской академии, о чем известно из завещания самого Петра Могилы. В 1641 году, после смерти господина Стефана, его наследство (Черленков, Свобидцы, Ярышивка, Янков и Грыжинцы) переходит к сыну Сильвестру. Однако, с началом крестьянско-казацких восстаний на Украине, Сильвестр в 1647 году выезжает в Польшу, передав Ярышивское имение за 12 тысяч злотых в аренду на три года хорунжему Яну Дзику.

В дальнейшем за Зборовским мирным договором 1649 года территория Подолья вошла в состав Казацкого государства Богдана Хмельницкого, как Винницкий и Брацлавский полки. Однако, после фактического распада казацкой республики, Правобережье снова постепенно вернулось под власть Польши. Со временем Черленковские имения по праву наследства перешли к сыну Сильвестра – Анастасу. В 1670 году Анастас Черленковский постригся в монахи под именем Антоний. А его имения в составе города Селище (или Новый Черленков с замком), Старый Черленков, Неродинки, Комаров, Ровец, Свобидцы, Ярышивка, Грыжинцы, Юрковцы, Ивонивцы и Бохоники, за действующими на то время законами Речи Посполитой, были переданы в дар Стефану Пясочинскому, брацлавському старосте.

В дальнейшем почти на три десятка лет, вследствие войны Речи Посполитой с турками, с 1672 года по 1699 год, Подолье подпадает под власть Османской империи. Эти времена характеризуются почти полным безвластием и разрухой, откуда они получили свое историческое название «Руина». Периоду „руины” передуют неудачи гетмана Дорошенко в ходе польско-козацко-татарской войны 1666-1671 годов. Поскольку гетман Дорошенко, враждующий с поляками, признал над собой власть султана, то это послужило поводом для новой войны Османской империи против Речи Посполитой.

В 1672 году Османская империя, стремясь овладеть Украиной, начала войну против Речи Посполитой, которая вследствие ряда поражений была вынуждена заключить Бучачский мирный договор. По этому договору Украина передавалась гетману Дорошенко, как ленное владение, зависимое от Порты. И за этим же договором все Подолье и Каменец непосредственно вошли в Турцию, как Камянецкий пашалик. В дальнейшем Речь Посполитая, вступив в союз со Священной Римской империей, разгромила в сентябре 1683 года турецкую армию под Веной. А за Карловицким мирным договором 1699 года между Польшей и Османской империей Брацлавщина снова, почти на целое столетие, оказалась под властью Речи Посполитой.

В 1722 году в селе Ярышівка была построена деревянная трикупольная церковь. Церкви принадлежали 45 десятин 1058 саженой земли, в том числе 40 десятин 975 саженой пахотной. Кроме крестьян, проживали в Ярышівке и чиншовики, которые платили соответствующий налог (чинш) за разрешение на занятие определенным промыслом. Первыми семьями чиншовиков были: Пуздрановские, Мудрики, Коваленки, Пасечники, Табачнюки, Павлишины, Откало, Голопасюки, Ветряки, Штойки. С 1723 года почти все Черленковское имение перешло в собственность другого господина – Яноша-Антония Вишневецкого, который через семь лет продает его Войцеху Сабанскому.

После второго деления Польши, которое состоялось уже в 1793 году, российские войска захватывают Брацлавщину, а затем все Подолье, в том числе и Ярышівка становится, частью Российской Империи и входит в Винницкий уезд Подольской губернии. За дальнейшее свое существование ярышівские имения сменили множество владельцев. Так в 1802 году господин Щеньовский продал Ярышівку, Юрковцы и Студеницу своему родственнику Ксаверию Ярошинскому.

После отмены крепостного права в 1861 году ярышівские крестьяне имели в своем пользовании 1351 десятину земли, а помещик владел 2386 десятинами. Безземелье и малоземелье привело к тому, что значительное количество взрослого населения села вынуждено было идти на заработки в соседний городок Гнивань на гранитные карьеры, сахарозавод, железную дорогу. Много крестьян работали также не на своей земле, а в имении местного помещика.

После реформы 1861 года на Украине было введено административно-территориальное деление на волости. Деление на волости касалось большей частью крестьян, и волостные правления стали органами местного самоуправления именно для них. Затем 5 июня 1861 года была образована Ярышівская волость. Однако всего через шесть лет состоялась реорганизация волостей. За этой реорганизацией Ярышівская волость была упразднена, вместо того была создана Лука-Мелешковская волость. В 1868 году в состав этой волости дополнительно присоединили еще и село Тарабанівку, большая часть населения которого была поляками. В этом селе было всего две улицы, одна из них соединялась с главной улицей села Ярышівки и являлась ее продолжением. Вторая же улица тянется к лесу в направлении соседнего села Сутиски. Легенда утверждает, что по этой улице в давние времена обозы чумаков двигались в Крым за солью. Жители Тарабановки исповедовали католическую веру, обычаи и традиции польского народа, имели школу с польским языком обучения.

В ноябре 1875 года снова состоялась реорганизация волостей. Лука-Мелешковскую волость отменили. Села, которые в нее входили, передали в состав Тывровской и Гаврышівской волостей. Ярышівку отнесли к Тывровской волости. Деление на волости просуществовало до 1923 года, когда вместо них были сформированы районы. Должности сельских старост в Ярышівке с приселками Юрковцы и Студеница в разные времена занимали Завальнюк Созон, Сницар Василий, Пугач Семен, Завальнюк Игнат, Людва Иван, Ситар Иван и Пугач Яков.

Крестьяне Ярышівских имений традиционно занимались хлебопашеством, держали коней и волов, а также коров, свиней, овец и другую живность. Выращивали овощи, сеяли просо, гречку, коноплю, лен, кормовые травы. В период революции 1905-1907 лет село охватили крестьянские выступления. Их организаторами были жители села – Витряк Григорий, Христофоров Викентий Иванович. Ярчук Иосиф Иванович, Поташ Петр Иванович. После подавления выступлений их было арестовано и посажено в тюрьму. В бурный период 1918-1920-х годов жители Ярышівки принимали активное участие в боевых действиях. Среди наиболее активных следует отметить Куцого Ивана Даниловича, Якива Юрия и Мартына Поташа.

С начала двадцатых годов в селе устанавливается большевистская власть. Образовываются и ее органы – комнезам и сельский совет. Первым председателем сельского Совета стал

Завальнюк Евдоким, а первым председателем комнезама – Захарчук Антон Кузьмович. В конце двадцатых начинается коллективизация. В 1928 году в селе организован первый колхоз «Колос». Первым председателем колхоза стал руководитель комсомольской ячейки села Ксенич Александр Петрович.

Со временем ярышивчаны поделили свое село на несколько частей, каждая из которых получила своеобразное название за особенностями расположения: «Левады», «Сажавка», «Куток», «Липки», «Чавунка», «Парцели», «Тарабановка».

1.2. Первый раз в первый класс

В 1932 году Анатолию Табачнюку исполнилось целых восемь лет. В тот и следующий год состоялись два довольно значительных события в его жизни, которые навсегда запечатлились в памяти. Первое событие заключалось в том, что он достиг того возраста, с которого сельские жители отправляли своих детей в школу.

Ярышевское одноклассное начальное народное училище было основано сельской властью в 1871 году. При училище было 1539 квадратных саженей земли, на которых находились сад и огород. Училище сначала размещалось в маленьком домике с одной классной комнатой. Но в 1890 году сельская община собрала необходимые средства и построила новый дом народного училища с несколькими классными комнатами и квартирой учителя. Здесь стало учиться уже три класса с общим количеством учеников от 30 до 70. Учились в школе дети из сел Ярышевка и окружающих сел Янкова (Ивановки), Тарабановки, Цвижина, Студеницы, Юрковец (Ланы). Обучение на то время проводилось на русском языке. Изучались такие предметы как русский язык, чистописание, арифметика, рисование, закон Божий, церковно-славянский язык, пение. Каждый учебный день начинался и заканчивался молитвой.

По состоянию на 1903 год в училище училось 49 мальчиков и 19 девочек. Почти 30 лет эту образовательную ниву пахал народный учитель Спиридон Феодоров Левицкий. Он закончил в 1864 году класс Киевского духовного уездного училища и имел серебряную медаль „За усердие“ на Александровской ленте. С 1912 года в помощь к отцу стал также его сын Дмитрий Левицкий, который организовал в селе первый народный хор.

После Октябрьской революции и окончания гражданской войны на базе народного училища в селе была открыта начальная школа, которая получила название Ярышевская начальная школа. С 1925 года в этой школе работало уже два учителя – супруги Гардель Федор Михайлович и Гардель Соломия Васильевна. Чтобы увеличить количество классов со временем квартира учителя тоже была преобразована на учебные помещения. А когда с 1930 года школа постепенно начала переходить на семилетнее обучение, то это привело и к постепенному увеличению учебной нагрузки, а соответственно и штата учителей. К тому времени в школу назначили нового директора Бондаря Кирилла Андреевича.

Того памятного дня первого сентября 1932 года Анатолий проснулся очень рано. Отец, который по дороге на работу в сельском совете, должен был отвести его в школу, уже давно встал и, не тратя времени, трудился возле скота. Он успел выгнать на выпас корову, накопил свежей травы, и набросал ее в ясли для телят. Сестра Мария тем временем трудилась возле свиней и птицы, а мать Ксения готовила на замызганой керосинке нехитрый завтрак для всей семьи.

– Эй, Толя! Ты уже проснулся? – спокойно обратилась мать к еще заспанному малышу, который тем временем медленно сползал со своей постели с места за печкой.

– Да проснулся я, а где же отец? Мы же сегодня идем в школу! – озабоченно спросил сын.

– Во дворе он, работает около скота. Ступай и позови его с Марией на завтрак.

Анатолий быстро натаскивает на себя праздничную одежду, второпях всовывает ноги в новые ботинки, специально купленные отцом в воскресенье на базаре в Виннице. Он выбегает во двор и зовет отца с сестрой в дом на завтрак. Спустя некоторое время семья располагается вокруг кухонного стола, на котором вкусно выделяет пар ячменная каша с утренним молоком. Завершив завтрак, Филипп Кузьмович переодевается в чистую одежду, берет за руку сына и, не спеша, отправляется с ним к школе. По дороге они встречают на своем пути веселые стайки детей, которые тоже медленно двигаются в том же направлении.

На школьном дворе с самого утра хозяйничает директор школы, распределяя детей по классам. Особое внимание он уделяет тем детям, которых сегодня первый раз привели в школу

их родители. Увидев председателя сельского совета, директор оставляет свое занятие и спешит к нему.

– Здравствуйте, Филипп Кузьмович! Наконец Вы привели своего синочка к нам за знаниями! – поздравляет директор новоприбывших.

– И привел, видите уже. Слышал, Кирилл Андреевич, что прислали вам в школу для первого класса молодого учителя, то, может быть, он научит моего балбеса чему-то умному! – медленно произносит свою речь Филипп Кузьмович.

– Правда, ваша, Филипп Кузьмович! Действительно прислали нам молодого учителя, зовут его Пантелеймон Иванович Марценюк. Вон он стоит с первоклассниками, то давайте туда проведем и Анатолия.

Директор вместе с председателем сельсовета подвели Толю к группе учеников, рядом с которой стоит молодой симпатичный учитель.

– Пантелеймон Иванович! Вот, познакомьтесь, это наша сельская власть – председатель исполнительного комитета сельского совета Филипп Кузьмович, – отрекомендовал главу сельсовета новому учителю директор школы.

– Добрый день, Филипп Кузьмович! Очень рад с вами познакомиться, – вежливо поздоровался с предсельсовета учитель.

– Вот привел к вам за наукой своего сына Анатолия. Имею надежду, что если будет хорошо учиться, то может и он в дальнейшем станет учителем, как и вы, – перешел к основной сути своего появления здесь Филипп Кузьмович.

– А вы откуда сам родом, Пантелей Иванович? Не имеете ли родичей в нашем селе, потому что и у нас Марценюков много проживает.

– Нет, я родом из Колюхова, надеюсь знаете. Это за Тивровом, где-то около двадцати километров, – объяснил свое происхождение учитель.

– Знаю, я Колюхов. Был там, очень хорошее село, славится возделыванием крепкого табака. А моя фамилия в самый раз к этому селу хорошо подходит – Табачнюк, может слышали? – поддержал разговор председатель сельсовета.

– Я слышал, Филипп Кузьмович, мне уже рассказали. Давай-ка Толя, становись рядом со своими будущими одноклассниками, – завершил разговор учитель.

Председатель сельсовета в дальнейшем направился к директору школы, который уже приготовился произнести соответствующую речь к началу учебного года. После той речи слово взял и Филипп Табачнюк, который поздравил учеников, их родителей и учителей с праздником знаний. Он обратил особое внимание присутствующих на необходимость выполнять линию партии и личные установки товарища Сталина по поводу предоставления в учебных заведениях качественного образования. А это, в свою очередь, позволит нашей Советской стране значительно быстрее осуществить планы индустриализации и электрификации.

– Учиться, учиться и учиться, как завещал нам большой вождь трудящихся всего мира товарищ Ленин, – закончил свое выступление руководитель сельской советской власти.

После завершения всех речей и выступлений, ученики под руководством своих учителей разошлись по классам, где началось обучение. Первый класс размещался в небольшой комнатке, с одним окном и больше был похож на обычную коморку. Так оно, наверное, в свое время и было, но потом за недостатком учебных площадей эта коморка теперь стала классом. В классе в качестве парт стояли обычные деревянные столы, по которым с обеих сторон на обычных деревянных лавках сидели ученики.

Первый урок начался с того, что учитель еще раз напомнил новым ученикам – их основную обязанность „Учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал нам великий Ленин”. Потом он лично познакомился с каждым из тридцати двух учеников, записав при этом в журнал их имена и фамилии. На других уроках того дня первоклашки приступили к усвоению

первых букв алфавита и начали учиться основам письма, выводя разные линии и крючки в своих тетрадах.

Еще одно из вышеупомянутых событий, которое тоже навсегда запечатлелась в памяти Анатолия, произошло следующего 1933 года в первое воскресенье октября. Хотя тот год, наверное, должен был бы запомниться ему, прежде всего, ужасным голодом, однако этого не произошло. Не произошло этого потому, что в их селе особенно значительного голода и не было. Работал колхоз „Колос”, недалеко от села на хуторе находился совхоз, к работе в котором привлекли значительную часть трудоспособных жителей села. Там они получали горячее питание и хлеб. Голод прошелся в основном по крестьянам-единоличникам, которые так и не вступили в колхоз, и по неполным семьям, в которых отсутствовали взрослые кормильцы.

Анатолий живо шагал рядом с отцом по улице, с гордостью поглядывая на босоногих паренков. Те, поднимая дорожную пыль, вприпрыжку бежали друг за другом на площадь возле церкви, где сегодня должно состояться небывалое для села событие. А одним из главных участников этого события будет его отец Филипп Кузьмович Табачнюк. Однако радость участия в будущем действии была немного омрачена утренней ссорой между отцом и матерью.

– Филипп! Богом тебя заклинаю, не ходи туда! – громко кричала Ксения.

– Ты хочешь ославить весь наш род? Вон Федор Римарь скоро уже умрет, а от проклятого прозвища „кайданник” так и не может избавиться. С ним и в могилу, наверное, пойдет. И тебя односельчане антихристом до смерти называть будут.

Филипп легко обнял жену за плечи.

– Ксения, помолчи хоть чуточку, неразумная. Не те теперь времена, которые раньше. Да и люди в селе уже не те стали. Почти все согласились на то, чтобы обойтись без нового попа, разве только несколько набожных старушенций еще за старое держатся.

– Именно они и проклянут тебя, безбожника. А я не хочу, чтобы эти проклятия принесли несчастье в наш дом. Пусть себе Скаун с Кольцовым этим делом занимаются – им на роду написано. А ты тоже за ними прямо прешся.

– Не пуцу! – широко растопырив по косяку свои руки, Ксения решительно стала в дверях.

Филипп легко взял ее сильными руками за талию, перенес и поставил на середину дома.

– Ксению, ты же меня хорошо знаешь, если уже решил, то так оно и будет. И ничего тут зря говорить. Я же член партии и к тому же и председатель сельсовета. А партия так решила – нужно освобождать людей от этого церковного дурмана... Еще Ленин говорил, что религия – это опиум для народа.

– Ну, тогда иди! Но знай – домой можешь не возвращаться! Я с безбожником жить не хочу, – в сердцах воскликнула мать.

Отец улыбнулся и, перешагнув порог, размашистым шагом направился на улицу. За ним подался и Анатолий. Вскоре они подошли к площади возле церкви, которая глухо бурлила человеческим говором. Здесь собрались почти все жители села Ярышивки, от старого до малого, как собирались они на Пасху, или на Зеленые праздники. Для одних это был действительно праздник знакомства с новой социалистической культурой и новыми обычаями. Для других, все же тлея в сердце сокровенная надежда, что Бог подвергнет наказанию антихристов и не позволит превратить церковь в греховный коллективный дом (колбуд).

Накануне, 30 сентября, состоялось собрание партийной организации колхоза „Колос”, на котором рассматривали вопрос о переоборудовании церкви в колбуд. В решении собрания записали постановление:

1. Открытие колбуда провести 8 октября 1933 года.

2. Название дать «Колбуд имени тов. Постышева колхоза «Колос»».

3. Поручить товарищам Скауну и Вугерничек подготовить необходимое количество лавок.

4. Уборку колбуда поручить комсомольской ячейке.

5. Для проведения празднования нанять музыку и подготовить пьесу.

Когда Филипп Кузьмович с Анатолием зашли на церковный двор, то там уже присутствовал почти весь актив села – председатель колхоза Авксентий Скакун, директор школы Кирилл Бондарь, секретарь парторганизации Кольцов, секретарь комсомольской ячейки и одновременно учитель школы Борис Вугерничек, сельские активисты Иван Бойко, Василий Завальнюк, Владислав Криштофор и много других.

– Ну что, товарищ Бойко, не передумал еще с крестом побороться? – спросил Кольцов, крепко пожимая тому руку, – а то здесь кое-кто уже наложил в штаны, испугавшись проклятий церковных вещунов...

В свою очередь председатель сельсовета, обращаясь к председателю колхоза, спросил:

– То как там, товарищ Авксентий, все приготовили? Веревка же нужна очень крепкая, чтобы удержала массивный крест.

– Более крепкой веревки и не найдешь, – ответил на то председатель колхоза Скакун, – мы ее вдвое из упряжи для волов сплели. Так она не только крест, но и вес колокола выдержит.

– Тогда начнем!

Спустя некоторое время Иван Бойко, Авксентий Скакун и Василий Завальнюк, один за другим поднялись на церковное крыльцо, и затем нырнули в темноту храма. Пока они поднимались по крутым ступенькам на колокольню, толпа возбуждена гудела. Особенно не утихала низенькая сгорбленная старушка, вся одетая в черное.

– Антихристы! Вот увидите, Бог не допустит этих святотатцев к колокольне храма, да еще и ноги им переломает! Видишь, что надумали? Как Иуда, за тридцать серебряников Божий храм хотят осквернить.

– Да замолкните вы уже, баба Евдокия, – прикрикнул, не вытерпев причитаний, какой-то мужик из толпы, – обдираловка здесь была, а не божий храм. Вы, наверное, забыли, как поп Амвросий вместе с дьяком отсюда свиньям хлеб мешками носили. И это тогда, когда в селе людские дети от голода пухли!

Закрывать церковь решили всей общиной, о чем составили соответствующего документа, под которым подписались все сознательные прихожане. А произошло это вскоре после того, как к старому попу Амвросию пришла делегация сельчан. Сняв шапку и, по привычке, поцеловав протянутую попом руку, один из них сказал:

– Преподобный отче. Вы в нашем селе служите уже больше тридцати лет. Мы еще детьми ходили к вам исповедоваться и причащаться. Помните, как в неурожайные года, когда люди умирали от голода, вы с церковной паперти говорили: „Терпите, молитесь, и Бог воздаст сторицей!“ Мы верили вам, терпели, молились, но Бог воздавал нам еще большей бедностью. Потом в село пришел тиф, умирали ни в чем не повинные дети, которые еще и грехов не успели сделать, вымирали целые семьи. И вы снова призывали: «Терпите, и Господь воздаст!». Не воздал он нам, батюшка, ничем, кроме еще большего зла. Когда в 1905 году ярышивчаны выступили против помещика, чтобы хоть немного поиметь хлеба, вы что говорили преподобный отче? «Не бунтуйте против обычаев, установленных и освященных Богом. Терпите, и Господь воздаст». Он и воздал тогда нам, прислав в село царских жандармов. Мы всегда верили вам, святой отче, терпели, но Бог ни нашим дедам, ни родителям, ни нам самим не воздал. Поэтому теперь мы больше не верим, преподобный отче, ни Вам, ни вашему Богу.

Старый поп внимательно слушал своих прихожан, скорбно согнув вниз голову, и тяжело вздыхал.

– Я й сам не знаю, дети мои, есть он тот Бог, или нет. Призывал я вас повиноваться и терпеть, потому что так и меня учили. Но теперь я навсегда оставляю вас – буду доживать свой век у сына в Виннице. А к вам, наверное, в скором времени пришлют другого духовного отца.

Так с теми словами и выехал поп Амвросий с Ярышивки, а другого попа и присылать было больше никуда. В усадьбе попа в 1928 году организовали первый колхоз, куда записалось девять семей сельчан. Первым председателем того колхоза избрали председателя комнезама и секретаря комсомольской организации села Александра Ксенича. В следующем 1929 году хозяйство колхоза расширилось за счет ревизии инвентаря и скота местного кулака, который владел десятию десятинами земли. А потом в колхоз «Колос» постепенно влилось еще несколько крестьянских дворов. На сельском же сходе постановили – храма, когда-то построенного за средства жителей села, не разрушать, а превратить его в заведение развития пролетарской культуры.

Тем временем добровольцы Иван Бойко, Авксентий Скакун и Василий Завальнюк уже взобрались по крутым ступенькам на колокольню и показались в наивысшем ее окне. Дальше кому-то из них нужно было сделать самое сложное – залезть на верхушку круглого церковного купола и привязать там веревку к кресту. Эту наитяжелейшую часть программы взял на себя Иван Бойко, которого для страховки крепко держали за ноги Скакун и Завальнюк.

– Пусть, пусть старается, – злостно кривилась в толпе старая богомольщица, – все смотрите, сейчас Господь непременно подвергнет наказанию антихриста.

Однако пророчество старухи, к счастью, так и не сбылось, а вскоре с колокольни прозвучало радостное восклицание:

– Эй, там внизу – Кольцов, Табачнюк. Ловите-ка веревку!

Спустя мгновение вниз полетела веревка, крепко привязанная другим концом к верхушке креста. Кольцов, Табачнюк, Бондарь, Вугерничек, Криштофор и еще несколько сельских активистов ухватились за ту веревку и потащили ее. Послышался протяжный скрип дерева, крест наклонился, пошатнулся и стремглав полетел на землю.

1.3. Тернистая дорога в социалистическое будущее

Довоенная жизнь в селе Ярышивка не имела каких-то особых отличий от жизни других глубинных сел Украины. Это были самые тяжелые годы становления нового общественного порядка в украинских селах. Не без сожаления, расставаясь с политыми своим потом лоскутами земли, и из безысходности приписав их к хозяйству колхоза, некоторые крестьяне с боязнью ожидали резкого ухудшения своего положения. Следует заметить, что жизнь обычной украинской крестьянской семьи всегда проходила в постоянном страхе перед погодными условиями и перед вечным выбором земледельца – посеешь зерно в землю, то можешь остаться без хлеба на столе. А если не посеешь – то не будешь иметь, что кушать в следующем году. Теперь же, вступив в колхоз, не может произойти так, что вообще останешься без хлеба?

Однако именно эти опасения с течением времени оказались напрасными. Даже в 1932 году, первом году сплошной коллективизации, когда произошла жестокая засуха, в колхозе „Колос” собрали по 10 – 12 центнеров зерна из гектара. Тогда, как в единоличном секторе урожай был меньшим и не превышал восьми центнеров. Однако хлеба все же должно было бы хватить не только для выполнения плана, но и для распределения между колхозниками и обеспечения индивидуальных хозяйств.

Однако партия, и ее вождь товарищ Сталин, имели совсем другую точку зрения на хлебозаготовку в Украине. Планы хлебозаготовок за период 1932-1933 лет меняли трижды, чтобы обеспечить продовольствием большие города и выполнить задачу по продаже хлеба за границу государства. Шла большая индустриализация, и она жестко требовала от украинских крестьян непрерывного финансирования своего величия.

Местное партийно-государственное руководство советской власти сделало ставку на сельских комсомольско-партийных активистов, которые должны были обеспечить этот нечеловеческий план хлебозаготовок за счет, прежде всего, хозяйств единоличников. Так в постановлении партийного собрания села Ярышивки от 2 августа 1932 года записали.

1. План хлебозаготовки обсудить на комсомольском собрании и на управах колхозов.
2. Созвать пленум сельсовета вместе с управами колхозов и активом.
3. Провести собрания колхозников.
4. Созвать общее собрание села, где закрепить план по единоличному сектору.
5. Организовать красную валку хлеба в Винницу, взяв в основу не меньше, как 500 пудов груза.
6. В связи с нехваткой тары обратиться к Ярышивскому совхозу с просьбой одолжить 100 мешков на несколько дней.
7. Поднять этот вопрос на общем собрании и добиться организации красной валки хлеба среди индивидуального сектора.
8. Все члены и кандидаты партии, комсомольцы объявляются мобилизованными по хлебозаготовке до 100-процентного ее выполнения, и отлучаться им из села без разрешения ячеей запрещается.

В результате такого плана и его тщательного выполнения отдельными активистами, в особенности по единоличному сектору, в селе возникла угроза голода. И хотя его костлявая рука только частично затронула жителей Ярышивки, все же полностью его не обошла, значительно увеличив количество постоянных жителей сельского кладбища. Вот что рассказывала о временах голодомора 1933 года жительница села Бабий Анна Павловна:

„Когда начался голод, мне шел всего шестой год, но я хорошо помню те беды. Помню, как рыскали в доме и на усадьбе сельские активисты, выискивая скрытое зерно. Не найдя, приходили еще и еще. Мама спрятала в кувшине просо, засунула его далеко в печь, то бригада несколько дней искала, но не нашла. И тогда наш сосед Захарчук, также заядлый активист,

как-то подсмотрел, пришел и забрал. Мы собрали в 1932 году две фуры ржи, и Захарчук знал об этом. Поэтому приходил каждый день искать, но не находил, потому что отец спрятал его в овине за стеной. И тогда активисты вместе с Захарчуком как-то пришли с железными палками, начали тыкать в стену и вытянули оттуда несколько зерен. Очень обрадовались, разобрали стену и забрали всю рожь.

Активисты ходили по людским дворам каждый день, нередко и ночью. А в воскресенье ехали в Винницу пить и гулять. Однажды устроили попойку дома у нашего соседа. Понапивались, вышли из дома, оставив открытым окно. Я это увидела, залезла через то окно и украла со стола маленький кусочек хлеба. Но долго не отваживалась достать его из кармана, боялась, что заберут.

В нашей семье была неплохая одежда, и на всех один кожух. Активисты об этом знали и хотели эту одежду забрать. Но наша мама оказалась хитрее. Когда бригада, идя улицей, приближалась к нашему двору, мама надевала на моего старшего брата Гришу платки, юбки, а сверху кожух и выгоняла его на огород. Там он и сидел, пока бригада не шла дальше.

И все-таки они к нам добрались. У соседки Татьяны мама взяла с огорода несколько колосков и спрятала их в карман. Те колоски нашли и маму посадили в тюрьму на пять лет. А отец наш умер перед этим. Дед сидел на печи, опухший от голода. Баба также ходить не могла. Когда начали созревать вишни, она ползком добралась к соседке, и та помогла ей нарвать вишен. Те вишни, в какой-то мере, помогли нам выжить.

Тем, кто работал в колхозе, все же давали какую-то бурду, которую нормальному человеку не всегда можно было кушать. Для детей колхозников организовали ясли. Но как там кормили... Моя подруга Анися в тех яслях умерла от голода, а я убежала каждый раз. Потому что „на воле“ хоть чем-то можно было поживиться. Но эта „воля“ была также опасной, потому что люди из соседнего села Пылявы, доведенные голодом до отчаяния, похищали Ярышевских детей, варили и ели их. А потому мама, идя на работу, закрывала нас в доме и просила, чтобы мы никому не отворяли.”

Действительно на то время действовало Постановление ЦК КПУ от 23 января 1930 года, согласно которому предполагалось раскулачить на Украине 150 тысяч крестьянских семей. Усилиями местных органов власти разнарядка этого Постановления была значительно перевыполнена. Большая часть раскулаченных крестьян сгинула в сибирских трущобах и на Соловках. За этим постановлением суды также имели право за пять украденных колосков посадить человека в тюрьму на долгие годы. Причем за такую же вину можно было посадить в тюрьму и детей старше двенадцати лет. За один лишь 1933 год за колоски по всей Украине было посажено в тюрьмы больше пяти тысяч человек. На Тывривщине особым усердием отличалась районная судья, „железная большевичка“ Мара Паперман, которая даже за один подобранный в поле колосок, или свеклу, давала по несколько лет тюрьмы. Каждый год она осуждала к разным срокам заключения сотни человек.

Пережив годы тяжелых времен (раскулачивание, коллективизацию, голод 33-го года и репрессии 1937-38 лет) перед самой войной жизнь в селе стала понемногу возвращаться в спокойную и лучшую сторону. К тому времени членами колхоза, правдами и неправдами, стали почти все жители села. На помощь им пришла механизация в виде автомобилей, тракторов, и комбайнов. Вследствие этого значительно увеличились урожаи зерновых, надоев молока, и поголовье свиней и скота. На трудодни колхозникам стали выдавать не только хлеб и прочее пожитки, но и карбованцы. В село провели электрическую энергию и радио.

Первый трактор появился в селе Ярышевка весной 1934 года и привез его уполномоченный райкома партии Пишман. На это чудо техники пришли посмотреть не только ярышевчаны, а также и крестьяне из окружающих сел Студеницы, Юрковец и Янкова. Люди боязливо обступали со всех боков того невиданого зверя, боязливо трогали руками его железные колеса, недоверчиво кивали косматыми головами.

– Ой, люди, – говорили одни, – а затопчет он теми огромными колесами всю нашу землю. Куда этому зерну там вылезти и вырасти!

Другие плакались, что отравит этот железный конь нашу землю керосином и нефтью. Поэтому больше хлеб на той земле расти не будет. Активу села приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы убедить односельчан, что трактор это не зло, а наоборот. Он поможет им ускорить обработку земли и посевы, что увеличит урожаи хлеба. Однако все же некоторые, такие, например, как Марцин Людва, продолжали опасаться, что трактор оставит без работы многих крестьян и возникнет безработица.

Молодежь села училась в семилетней школе, работала в колхозе, а вечером шла на разные кружки в колбуде имени Постышева, помещение которого было приспособлено из-под бывшей церкви. Куратором работы колбуда от Винницкого городского отдела народного образования был товарищ Ильченко. Инициаторами культурно-массовых мероприятий в начале работы колбуда стали комсомольцы Александр Ксенич, Борис Завальнюк, Анатолий Буяновский, Антон Пуздрановский, Василий Завальнюк и прочие. На смену первым комсомольцам подрастала новая когорта – Мария Бойко, Анатолий Табачнюк, Петр Ткачук, Сергей Бура, Федор Кудрань и их друзья. Уже через три месяца после открытия колбуда представитель городского отдела народного образования Ильченко отмечал в своей информации:

„В клубе создано три кружка – драматический, певческий и военный, которыми руководят С.И.Завальнюк, М.М.Саутина, Б.И.Завальнюк. Библиотека насчитывает около 800 книг. Всю культмассовую работу в селе возглавил по поручению партячейки Б.П.Вугерничек”.

С характеристики партячейки: «Заведующий колбудом тов. Вугерничек Б.П., 1913 года рождения, член ЛКСМУ с 1929 года, образование – незаконченное среднее. Рабочий, учитель. Назначен горно с 18 марта 1933 года».

Военным кружком руководил выпускник Харьковского агроинститута Борис Иосифович Завальнюк. Он с 1932-го по 1934-й год проходил службу в Красной армии, и имел соответствующую военную подготовку. Поэтому по мере своих способностей, передавал опыт молодежи села призывного возраста. В своей автобиографии Борис Завальнюк писал: «Отец до революции работал по найму в помещика. После революции отец получил земельный надел из помещичьего фонда и занялся хлебопашеством, однако умер в 1919 году, мать осталась с четырьмя детьми. Мать вступила в 1929 году в колхоз, а в 1933 году умерла. Братья Василий, Алексей и Семен работали в колхозе, я учился в 7 классе Сутисковской школы. После окончания школы в 1930 году поступил в Харьковский агроинститут, который закончил в 1932 году и получил звание агронома. С 1932 по 1934 год служил в Красной Армии, после службы вернулся в Ярышивку и работал бригадиром по защите растений».

Драматическим кружком колбуда руководил его брат Семен Иосифович Завальнюк, который отличался своим влечением ко всему прекрасному и длительное время обеспечивал село радиотрансляцией.

Певческим кружком руководила Мария Саутина, а помогал ей музыкальным сопровождением Иосиф Шеленчик. Он сам был родом из Галиции, когда-то служил в австрийской армии, потом попал в плен и после первой мировой войны остался в селе Ярышивка. Иосиф любил пошутить, однако его уважали за простоту, а больше всего за то, что был добрым музыкантом. Он очень хорошо играл на флейте в составе духового оркестра, и на скрипке в сопровождении гармошки.

В начале 1941-го года Анатолий Табачнюк имел уже почти 17 лет. Он недавно закончил Ярышевскую семилетнюю школу и стал до работы на разных участках в колхозе „Колос”. Комсомольцы села, за активность на работе и в общественной жизни, избрали его секретарем комсомольской организации. Анатолий сам активно принимал участие в работе почти всех кружков в колбуде и поощрял к такому участию других комсомольцев. Особенно он любил драматический кружок, в котором часто получал главные роли. В дальнейшем опыт переде-

вания и гримировка под определенное действующее лицо спектакля очень ему пригодились совсем с неожиданной стороны.

В спектакле „Наталка Полтавка” Анатолий играл роль Петра жениха Наталки, а роль самой Наталки руководитель кружка поручил играть Стасе Гуменюк. Стася к тому времени была в последнем выпускном классе школы и имела 16 лет. Она проживала на центральной улице села, которая получила свое название в честь вождя пролетариата товарища Ленина. Часто после окончания репетиций Анатолий, в сопровождении компании молодежи, шел провожать Стасю до ее дома. А потом, перебежав плотиной через пруд, двигался в сторону своей улицы Коцюбинской.

Улица Коцюбинская находится недалеко от школы и центрального сельского пруда, названного когда-то Панским. Свое название эта улица получила совсем не в честь известного украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского. Дело было в том, что в ряде ее домов на протяжении определенного времени расселилась семья крестьян, которые в силу сельских обычаев тех времен получили прозвище „коцюбы” («коцюба» по-русски переводится как «кочерга»). По легенде, это прозвище досталось им в наследство от очень злой и ревнивой женщины, которая часто бегала за своим мужем, вооружившись железной кочергой от печки. Со временем эта история пришла в забвение, однако название улицы навсегда закрепилось в памяти жителей села.

Анатолий часто провожал Стасю до самой калитки ее двора, защищая от нападений соседских собак. Так они довольно близко подружились и длительное время спустя, с наступлением весны, просиживали вдвоем вечерними часами на лавочке возле одного из дворов по улице Ленина. На этой лавочке днем часто вели беседы-пересуды сельские бабушки, а вечером она переходила в пользование влюбленным. Сидя на этой лавочке, Стася и Анатолий подолгу разговаривали о спектакле, который готовился к майским праздникам в колбуда. Вспоминали свою школьную жизнь, строили планы на дальнейшее обучение, обсуждали дела и планы своих близких.

Анатолий часто рассказывал, как он посещал в городке Гниввань свою старшую сестру Марию. Она работала продавцом в магазине от Гниванского сахарного завода и жила вместе с мужем и дочерью Тamarой на территории завода. Со временем Анатолий планировал тоже перебраться у Гниввань и устроиться там на работу. Однако это не было так просто. Чтобы выехать из села нужно было получить паспорт, а его выдавали только тем, кто выезжал на обучение, или на работу по направлению на социалистические стройки. Стася в свою очередь делилась своими планами, рассказывала о своей сестре Марии, родителях и близких.

Одного майского вечера, возвращаясь из колбуда, Анатолий пригласил Стасю по привычке посидеть на лавочке, после чего обнял ее за плечи и крепко поцеловал в губы. Стася, не ожидая такого выпада от Анатолия, была им вначале ошарашена. Но вскоре, прытко вскочив на стройные ноги, спросила:

– Что это было, Толя?

– То было, что было, Стася. Нравишься ты мне очень, неужели не видишь?!

– А я думала – мы только друзья. А ты вот что взял себе в голову, может, и сватов будешь ко мне засылать?

– А может и зашлю, однако не в этом году. Мне еще только семнадцать в скором времени будет, а для законного оформления брака закон требует целых восемнадцать. То придется год подождать.

– То давай и со всем другим тоже подождем. А то любовь-морковь, а от нее и дети могут ненароком появиться.

Стася юлой крутнулась на своих красивых ножках в сторону улицы и быстро подалась домой. Не ожидавший такой реакции Анатолий только молча провел ее взглядом, а вскоре и себе двинулся к своему дому.

Следующего вечера, возвращаясь из колбуда домой, Анатолий так и не смог поговорить со Стасей, чтобы выяснить их взаимоотношения. Она неожиданно исчезла из колбуда без всякого предупреждения, сразу после окончания репетиции. Друзья рассказывали, что даже они не смогли ее задержать разговорами. Стася от тех разговоров нетерпеливо отмахнулась и почти стремглав побежала домой.

С того времени между Анатолием и Стасей словно бы пробежала черная кошка. Они, как и раньше, продолжали ходить на репетиции драматического кружка, играли там отведенные им роли, однако домой возвращались в разных компаниях. Так длилось почти месяц до самых майских праздников, да и после них ничего не изменилось. Возможно, их взаимоотношения и наладились бы со временем, если бы не произошло неожиданное – началась война, и было уже не до любви.

1.4. Под властью Третьего Рейха

Война для жителей Ярышивки началась тем, что возле самого села близ насыпи железной дороги немецкой авиацией было сброшено две большие авиабомбы. Очевидно, фашисты имели целью этими бомбами повредить железную дорогу, чтобы воспрепятствовать доставке военных грузов советским войскам. Бомбы упали в самый раз возле того места железнодорожного полотна, где под насыпью находилась большая водосточная труба. Эта труба отводила остаточные воды сельских прудов в небольшой ручеек, который протекал под насыпью железной дороги в направлении реки Южный Буг. Бомбы в насыпь не попали, однако в домах на ближних улицах от мощных взрывов повывлетали все оконные стекла. На месте падения этих тяжеловесных авиабомб значительное время оставались большие ямы.

Кроме авиабомб о войне часто напоминал немецкий аэроплан, так называемая «рама», который иногда летал над селом, посыпая его сверху агитационными листовками. Ветер живо гнал эти бумажки по улицам села и огородам. Часть из них навсегда оставалась в водах сельских прудов. Другую часть сельские комсомольцы, озадаченные сельской властью, собирали и сжигали.

Уже в первые дни войны советская власть села, по разнарядке военных комиссариатов, поспешно проводила мобилизацию мужчин села призывного возраста. Часть этих мужчин, которые работали в Ярышивской тракторной бригаде Винницкой машинно-тракторной станции, было освобождено руководством МТС от мобилизации. Они получили задачу эвакуировать свои трактора на восток. Однако эта задача была поставлена с явным опозданием, поэтому трактора доехали только до села Счастливое Липовецкого района. Там колонну машин встретили фашистские пулеметчики на мотоциклах, которые двигались со стороны Козятина. Поэтому тракторная колонна вернулась назад. Вернувшись в село, все трактористы, среди которых были Борис Заремба, Григорий Видавский, Виктор Пугач, Николай Таранюк и Николай Буяновский были вынуждены остаться на оккупированной врагом территории и работать на оккупационную власть.

Утром 19 июля 1941 года из села отбывал последний отряд мобилизованных в Красную Армию ярышивских сельчан. С этим отрядом отправился в военную дорогу в четыре длинных года и Филипп Табачнюк. Провожали его в этот неизведанный путь жена Ксения, сын Анатолий и маленькая дочь Леонида. Двухлетняя Леонида, съезжившись в клубочек, безмолвно притихла на руках у матери, ощущая приближение неминуемой разлуки с отцом. Анатолий, которому к тому времени уже исполнилось почти семнадцать лет, продолжал, начатое еще дома, увещание отца взять его с собой на ту войну.

– Отец, ну чего же вы меня не желаете взять с собой? Вот были бы вместе на той клятой войне, все же легче, чем одному.

– Сынок, ты же еще по возрасту не подлежишь мобилизации. Куда ты так спешишь? Умереть всегда успеешь, а спешишь – потому что совсем не знаешь, что такое война. А я хорошо знаю все ее прелести, прошел же и первую империалистическую, побывал в плену, да и бурные события революции меня не обошли, – как мог обосновывал свой отказ Филипп Кузьмович.

– По возрасту я тоже мог бы не идти в ту армию, знаешь же, что имею почти пятьдесят лет. А однако и остаться не могу – немцы в первую очередь постреляют евреев и коммунистов, как это они сделали у себя в Третьем рейхе, – продолжил свою речь отец.

Филипп Табачнюк стал на сторону большевиков еще во времена революции, а потом был принят в их партию. Занимая активную позицию в жизни своего села, он длительное время работал председателем сельского совета. Определенное, хотя и не продолжительное, время был и председателем колхоза. Принимал участие в раскулачивании сельских богатеев и пре-

образовании сельской церкви в клуб. А потому зажил лихой славы у некоторых жителей села из тех же кулаков и у верующих односельчан. Оставшись в селе, был бы, наверное, в первую очередь, на уровне с теми же Кольцовым, Скакуном, Вугерничком и некоторыми другими, арестован и расстрелян.

– Но, отец, я же тоже комсомолец. Даже был секретарем комсомольской организации села, тогда и мне нужно отсюда куда-то убежать, – продолжал настаивать на своем Анатолий.

Однако отца он тем не убедил, тот возразил:

– Оно то так, сын, однако не думаю, что те немцы настолько тупоголовые, что сразу же станут истреблять всех подряд, даже комсомольцев. Будут, думаю, их определенное время перевоспитывать. Поэтому, ты держи связь с Александром Ксеничем, он остается в селе для организации подпольной работы.

Тем временем поступила команда строиться, и отряд, распрощавшись с родными, медленно отправился в сторону Винницы. К середине июля 1941 года войска Красной Армии еще сдерживали наступление превосходящих сил врага на территории области. Но после жестоких и кровопролитных боев немецкие войска уже 17 июля 1941 года заняли Браилов, 19 июля Винницу, а уже 30 июля завершилась оккупация всей области.

20 августа 1941 года вышел приказ Гитлера об образовании „Рейхскомисариата Украина“. Предполагалось создание семи генеральных комиссариатов, среди которых из Житомирской и Винницкой областей образовывался генеральный комиссариат „Житомир“. Территория же самой Винницкой области была разделена почти пополам между Германией и Румынией. Южные районы отходили под управления Румынии, а северные – к Германии. Граница раздела области прошла непосредственно по реке Южный Буг.

Как на немецкой, так и на румынской стороне области, оккупанты оставили бывшее административное деление (село, район). Но, кроме того, были созданы еще и округа, в состав которых включались три сопредельных района. Во главе сел стояла сельская управа, возглавляемая старостой. Во главе района стоял районный комендант (как правило, немец) и районная управа. В округе руководил гебитскомисар (снова же таки немец) и окружная управа. Область возглавлял генеральный комиссар и областная управа. Руководить Винницкой областной управой оккупанты назначили профессора ботаники медицинского института А.А.Севастьянова. Как правило, в управах работали люди, обиженные советской властью, но их роль была довольно ограничена. Кроме официальных представителей власти из местных жителей, на всех решающих административных и хозяйственных участках управляли сами немцы. Так, сельским хозяйством (верней, заготовками сельхозпродуктов) ведал непосредственно сам немецкий комендант района. Отделом работы (в том числе, отправкой населения в Германию) руководил немецкий комиссар работы. Во всех предприятиях (МТС, МТМ, сахарных заводах, даже на заготзерно и нефтебазах), кроме директоров и управляющих, были назначены шефы (немцы), которые и являлись действительными хозяевами положения.

Колхозы, названные общинными хозяйствами, теперь стали возглавляться колхозными старостами. Но действительным хозяином колхозов стал немецкий сельхозинспектор (начальник штецпункта). Он руководил 10-15 колхозами, доводил им планы сева и других работ, следил за дисциплиной. Так за невыход на работу он мог посадить в тюрьму, или выслать на работы в Германию и тому подобное. Вооруженной силой, которая должна наводить порядок в районе, была постоянная немецкая жандармерия в составе 5-6 человек. В дополнение к ней действовали участки местной полиции с 30-50 полицаяв на район.

Вечером 20-го июля, преследуя отступающих красноармейцев, в село на ночлег забрели немецкие оккупанты. Откормленные на дармовых харчах из всей Европы, вооруженные до зубов автоматами и винтовками, завоеватели презрительно относились к крестьянам, постоянно требуя от них „яйко“, „млеко“ и „шнапс“. Село неожиданно наполнилось пронзительным визгом свиней, перепуганным кудкудахтанием кур и невменяемым ревом скота. Отовсюду раз-

давались автоматные очереди, хлопали одиночные выстрелы из винтовок и звучали веселые песни победителей под акомпонемент губных гармоник.

Посетили они и двор Табачнюков. Забрав там трое кур и малого свиненка, они подались дальше по улице подыскивать себе подходящий дом дня ночевки. Дом Филиппа Табачнюка им не понравился, потому что его строительство было не завершено после пожара, устроенного кулаками в 1926 году. Под жильё была завершена только половина дома, а другая временно использовалась под складирование хозяйственного инвентаря и провизии.

Вслед за такими событиями в Ярышивку пришел „новый порядок“... Вскоре в село из городка Гнивань в сопровождении десятка полицейских прибыл немецкий комендант района. К прибытию представителя немецкой власти некоторые жители, которые находились под влиянием своего односельчанина Петра Яремчука, заранее приготовились. Они встретили его хлебом и солью, а после того был собран сельский сход. На этом сходе к сведению жителей села довели основные требования новой власти к местному населению. Также зачитали распоряжение о назначении сельским старостой того же Петра Яремчука.

Сельская управа Ярышивки расположилась в помещении бывшего сельского совета. Дом, в котором размещался одновременно сельский совет, клуб и библиотека, был построен почти перед самой войной рядом с территорией колхоза. На строительство использовали деревянные конструкции из разобранной перед этим церкви.

Свою работу на новой должности староста начал из организации в селе участка полиции. Своим помощником он назначил Степана Линду, а в полицаи взял своего родственника Омельяна Яремчука, трех жителей села Игната Мудрика, Арсения Пугача, Ефима Захарчука и двух чужаков из Западной Украины, которые отзывались на имена Влодко и Бодя. Те зайды прибудились в село, после освобождения их немецкой властью из Винницкой тюрьмы. Не откладывая дела в долгий ящик, Петр Яремчук сразу же составил перечень комсомольских активистов, которые остались в селе. После чего собрал их и других сельчан возле помещения управы для проведения разъяснительной работы. Пригласили на тот сход и Анатолия с его другом, тоже бывшим комсомольцем, Петром Ткачуком, а также и Александра Ксенича, который проживал почти рядом с Табачнюками на одной улице.

Когда все приглашенные расположились вокруг входа в сельскую управу, староста вышел на крыльцо и начал свою речь.

– Вот слушайте сюда все, а прежде всего комуныцкие выкормиши и их комсомольские служки. Как видите, ваша дорогая советская власть быстро накивала пятами в свою Московию и уже, наверное, там навсегда и останется. А здесь установилась власть непобедимого Рейха, представителем которой являюсь я – ваш староста. Было бы справедливо вас здесь на месте и уничтожить, как вы нас когда-то уничтожали, садя в тюрьги, высылая в Сибирь и расстреливая без суда и следствия лишь за подписями трех палачей. Однако немецкая власть более гуманная, чем советская, она дает вам шанс заслужить прощение и загладить свою вину хорошей работой.

Староста немного приостановил свою речь, прокашлялся, а потом продолжил.

– Пришла мне с районной управы директива – ввести в нашем селе на базе бывшего колхоза „Колос“ общинное хозяйство, чтобы своевременно собрать урожай и обеспечить сдачу продовольственного налога для нужд немецкой армии. Поэтому все, кто до этого работал в колхозе „Колос“ должны немедленно завтра же выйти на работу и приступить к выполнению своих бывших обязанностей.

– А кто же будет руководить тем хозяйством, может вы, господин староста? – несмело прозвучал из толпы вопрос к оратору.

– Нет, не мое это дело, я буду только присматривать за вашей работой. А руководить общинным хозяйством на первых порах, на так называемой должности колхозного старосты, будет Александр Ксенич. Он был же когда-то первым председателем этого колхоза. Если бы Авксентий Скакун остался в селе, то возможно его и поставили бы председателем. Немцы,

знаете, не такие дураки – знают, что менять коней на переправе не следует. Но если кто не оправдает доверие, то пусть ждет наказания!

В дальнейшем староста распустил сходку, оставив в управе только своих помощников и Александра Ксенича, как вновь назначенного руководителя общинного хозяйства.

Бригадиром тракторной бригады также оставили на первое время Бориса Зарембу. Однажды во время жатвы 1941 года произошло непредусмотренное событие – вышла из строя колхозная молотилка. Вследствие отсутствия к ней необходимых запасных частей уборочные работы были на довольно значительное время приостановлены. Сельская власть, чтобы снять из себя обвинение в задержке сдачи хлеба, заподозрила саботаж и арестовала подозреваемых. Бригадир Зарембу вместе с механиком Иваном Сапигурой полицаи доставили в Гниванскую комендатуру для допросов. Выбивая признание, немецкие жандармы применили резиновые дубинки. Однако, не добившись признаний в саботаже, со временем арестованных отпустили.

В начале Великой Отечественной войны с целью вбить клин между разными слоями населения Украины немецкая власть распространяла миф о так называемой «лояльности» украинцев к немецкому оккупационному режиму. Правды ради следует отметить, что их утверждение на то время почти отвечали действительному состоянию вещей. Это было следствием того, что среди всех советских республик, именно Украина больше всего потерпела от насильственного навязывания советской власти, тотального раскулачивания исправных хозяев и такой же насильственной коллективизации. Люди еще не забыли всех ужасов продразверстки, голодомора 1932-1933 годов, закрытия и разрушения церквей и политических репрессий 1937-1938 года. А потому далеко не все украинцы лояльно относились к советской власти. Немало было и таких, кто еще со времен Украинской народной республики затаил скрытую враждебность. Они ждали благоприятной возможности, чтобы поквитаться с представителями ненавистной большевистской власти. В первые месяцы войны в знак «признательности» к украинцам за выявленную «лояльность» немецкая власть даже открыла часть закрытых советской властью церквей и начала отпускать из концентрационных лагерей на территории Украины военнопленных украинской национальности.

Для большинства населения Украины, которое вследствие политики поголовной коллективизации практически жило в условиях голода, убогости и репрессий, естественной была такая стратегия поведения, которая позволяла, даже при советской власти, пассивно уклоняться от любого государственного контроля за их жизнью. Такое поведение четко проявило себя также и в первый год немецкой оккупации. Одним из направлений этого поведения было беспробудное пьянство, которое широко распространилось практически среди всего сельского населения Украины. Одной из основных причин пьянства при советской власти был постоянный страх перед ней. Этот страх, однако, быстро появился и перед немецкой оккупационной властью.

Даже сами представители немецких властных структур в первые два года оккупации (1941-1942) отмечали неопределенно-выжидательную позицию основной части населения относительно них, а вместе с тем ее антибольшевистскую настроенность. В разговорах людей того времени практически не употреблялись слова „советы“ или „большевик“. Вместо слов „бывшая власть“, как правило, говорили „те“ и указывали рукой на восток. Хотя во многих жизненных случаях реальное поведение людей невольно оставалось „советским“. Так, например, на собрании рабочих одного из заводов Украины, один из рабочих, который выступал, выразил глубокую благодарность за освобождение „немецкому народу и его большому фюреру товарищу Гитлеру!“

Следует отметить еще одну особенность сознания многих украинцев того времени – их интересы в основном определялись масштабами своего села, района и ближайшей ярмарки. Для большинства населения, которое осталось на оккупированных территориях, формальная советская политическая лояльность исчезла. Но что пришло вместо того? Верность Гитлеру

и третьему рейху? Этого тоже не было. Люди начали с того, что стали внимательнее присматриваться к немцам, прислушиваться к их агитации, бояться друг друга, подозрительно или враждебно относиться к тем отдельным представителям советской власти, которые остались на оккупированной территории.

Уже в конце октября 1941 года отдел контрразведки группы войск „Юг“ предупреждал немецкое военное командование о возможных последствиях проявления со стороны немецких солдат высокомерного отношения к Украине и ненависти к ее населению. Отмечалось, что крайне отрицательно на украинцев влияло нечеловеческое обращение с военнопленными, их массовые расстрелы с оставлением трупов на местах. Несмотря на определенный антисемитизм местного населения, люди боялись и расстрелов евреев, подозревая, что оккупанты начнут в дальнейшем расстреливать и украинцев.

В кругу сельчан быстро распространялись слухи о массовых грабежах, которые осуществляли фронтовые части вермахта. Велись разговоры о непомерных м'ясопоставках, „о молоке, которое носить не переносить“, постоянных реквизициях продовольствия, о мизерности оплаты за трудодень при работе в оккупированных колхозах. В быт даже вошла стихотворная поговорка:

Когда был Сталин, а из церкви клуб,
То получали на трудодень по полпуда.
А как стал Гитлер и божий храм,
То получаем по 100 грамм.

1.5. Бегство из комендатуры

После того, как были сформированы Винницкая областная и районные управы, которые назначили старост в селах, то в области официально утвердилась оккупационная структура управления. Со временем появились старосты колхозов, или, так называемых, общинных хозяйств. В села вернулась часть раскулаченных и репрессированных крестьян. Каждый староста, как правило, формировал вокруг себя группу поддержки из родственников и других односельчан. Начали действовать сети доносчиков, созданные старостами и полицейскими структурами. Опираясь на эти социальные группы населения, немногочисленные немецкие полицейские подразделения на начальном этапе оккупации вполне контролировали ситуацию на местах.

Вследствие создания местных органов власти между представителями оккупационных структур и значительной частью населения сразу возникли многочисленные противоречия. Люди быстро разочаровались в немецких руководителях управ, которые находились в области и районах. Их поведение часто вызывало ужас и негодование. Однако более сложным было отношение к местным начальникам из среды самых украинцев. Их не любили и боялись, но были вынуждены взаимодействовать с ними в повседневной жизни. В ряде случаев старосты (главы сельских советов), сотрудники сельских управ (сельсоветов), главы общинных хозяйств (колхозов) в начале оккупации остались теми же, что и при советской власти. Поэтому обычными стали доносы людей в районные управы с обвинениями местных начальников в связях с партизанами.

Дальнейшему усилению страха перед оккупантами содействовала также дальнейшая политика депортации украинских оstarбайтеров в Германию. Люди получили от своих сыновей и дочерей первые письма с описанием реальных условий жизни и работы в Рейхе. Это привело к формированию настроений среди молодых людей – „убегать, и не ехать“. Вследствие этого отношение большинства населения к оккупантам стало еще более негативным. Однако в июле и августе 1942 года гитлеровцы еще наступали на Сталинград и Кавказ, а потому люди работали и молчали, ожидая дальнейшего развития событий.

Назначение Александра Ксенича на должность старосты общинного хозяйства села Ярышивки было не очень долгим и длилось лишь до конца осени. Собранный с полей хозяйства урожай 1941 года почти весь был реквизирован новой властью на нужды немецких войск и Рейха. Некоторую часть урожая оставил себе на проживание староста села. За его же распоряжением были обеспечены хлебом помощник старосты Степан Линда и все полицейские в счет оплаты их службы новой власти. В результате этих действий работникам хозяйства для выплат за выполненную работу почти ничего не осталось. Поэтому крестьяне старались, собирая урожай, часть его тайно припрятать в поле. Под покровом темной ночи они тихонько вынимали его из этих тайников, и везли, или несли тайком домой.

Назначенный новой властью староста общинного хозяйства, хорошо понимал стремление подчиненных обеспечить продовольствием свои семьи в зимний период. Поэтому он и не прикладывал особых усилий, чтобы остановить те кражи. Впрочем, это делали вместо него староста села и команда из полицаяев, тщательно выслуживаясь перед новой властью. Они часто делали засады ночью и ловили людей с украденным с поля урожаем. Наблюдая за работой Ксенича и, ощущая пассивное сопротивление этого бывшего комсомольского предводителя новой власти, со временем Петр Яремчук уволил его и назначил на эту должность своего помощника Линду Степана.

Вследствие такого хода событий Александр надолго остался без работы. Не желая терпеть постоянные издевки односельчан на эту тему, он решил трудоустроиться грузчиком на железнодорожную станцию Винница. Кроме небольшого денежного обеспечения, рабочим станции

выдавали также продовольственный паек. Чтобы иметь на новом месте работы какого-то близкого человека, Александр со временем начал уговаривать своего приятеля Лукаша Пугача присоединиться к нему. Тот тоже не имел постоянного заработка в селе, а потому перебивался с хлеба на воду. Как-то встретив Лукаша на улице, Александр обратился к нему:

– Привет, Лукаш! Что-то давно тебя не видел, наверное, запил из горя?

– Но ты же знаешь, что я не употребляю того зелья. Да и тебя что-то давно не вижу в селе, – не совсем ведясь на подсказку, ответил Лукаш.

– Не видишь, потому что уже месяц, как я в Виннице работаю на грузовой станции. Могу и тебя туда взять, потому что бригадир мой приятель.

Услышав ту речь, Лукаш думал недолго. Здесь в селе ему особой работы нет. А, смотри, скоро могут и в Германию забрать работать на благо Рейха. Как выйдет ему 17 лет, то и возьмут, как взяли уже в начале марта десяток сельских юношей и девушек, прежде всего бывших комсомольцев. Лукашу было известно, что в ту первую партию попал и сосед Александра – Анатолий Табачнюк.

Уже в середине февраля 1942 года сельская управа села Ярышівка получила с управы района распоряжения следующего содержания:

«13 февраля 1942 г. Старосте села Ярышівка.

Согласно распоряжению областного комиссара от 12 февраля 1942 года о наборе рабочей силы в Германию районная управа предлагает выделить из Вашего села 10 душ разных специальностей мужчин и женщин возрастом от 17 до 45 лет. Выделенные люди должны быть физически здоровы, иметь справку врача о состоянии здоровья. Предупреждаю всех старост сел, что это есть дело важное и, в случае Вами невыполнения этого, будете отвечать по закону военного времени.

Руководитель отдела общественных работ Швайцер Заместитель главы районной управы Горещкий»

Не выполнить это распоряжение сельская власть не могла, потому что по законам военного времени к ним могли быть применены меры физического влияния, вплоть до расстрела без суда и следствия. В то время любого человека могли казнить даже за незначительную вину. В первые месяцы оккупации немецкой властью был внедрен комендантский час, за которым после десятого часа вечера запрещалось выходить из дома. В то же время, каждому работающему выдавалась «карточка объявлений» (трудовая книжка), которая одновременно служила и пропуском (аусвайсом) при необходимости передвижения в период комендантского часа.

В первую очередь в список отправки в Германию включались юноши и девушки, которые до войны были активными комсомольцами. На выполнение распоряжения районной власти первая группа жителей села из числа тех же комсомольцев была отправлена на работы в Рейх в начале марта 1942 года. Попал в эту группу остарбайтеров и Анатолий Табачнюк. А вот Александру Ксеничу, который к тому времени уже находился на работах полезных для новой власти, удалось избежать такой участи. Не попал туда и Лукаш, которому еще не исполнилось семнадцати лет.

Таким образом, Александр Ксенич и Лукаш Пугач зимой и на протяжении первой половины 1942 года продолжали работать рабочими в Виннице на грузовой станции. Проживали они в пристанционном общежитии. В село Лукаш и Александр наезжали только по выходным дням. Однажды, разгружая вагон с продовольствием и другим товаром, который прибыл из фатерлянда для обеспечения жандармерии и немецких чиновников, Лукаш потихоньку произнес, обращаясь к Александру:

– Саша, а глянь-ка сюда. Видишь те горы упаковок военных кителей, брюк и белья?

– Да вижу я, и что из того? – не понял вопроса Александр.

Лукаш оглянулся по сторонам, проверяя – нет ли вблизи посторонних ушей и глаз. А дальше продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.